

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ЕЩЕ

ЕЩЕ...

СЕВЕРНАЯ РУСЬ
И КУЛЬТУРНЫЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ
В ЕВРОПЕ
VII–XII ВВ.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «БРАНКО»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017

УДК 902/904(47)
ББК 63.4(2)
С28

Ответственный редактор *д.и.н. Н. И. Платонова*
Рецензенты: *д.и.н. А. И. Сакса, к.и.н. А. А. Пескова*

С28 Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / отв. ред. Н. И. Платонова. — СПб.: Издательский дом «Бранко», 2017. — 312 с.

ISBN 978-5-903521-50-0

Печатается по решению ученого совета ИИМК РАН

В книге представлены материалы двух научно-практических конференций, посвященных проблемам выделения элитарных древностей в раннесредневековых культурах Восточной Европы и специфике отражения культурных трансформаций в археологическом материале. Обе конференции были проведены в ИИМК РАН (Санкт-Петербург) в 2015–2016 гг.

Тематика сборника касается преимущественно памятников эпохи викингов в Восточной Европе. Анализируются проблемы, связанные с ранним этапом древнерусской культуры — процессом ее формирования, различными компонентами и т. д., а также перспективы изучения древнерусской элиты и выделения социальных маркеров элитарных групп в археологических источниках. Приводятся публикации новых памятников I — начала II тыс. н. э., выявленных на древнерусском «пограничье» — на Карельском перешейке и в бассейне нижней Луги. Ряд статей посвящен материалам крупных городских и протогородских поселений Древней Руси и Литвы, а также изучению локальных центров IX–XII вв. на Северо-Западе России и в Северной Германии.

Настоящее издание осуществлено при финансовой поддержке ПФИ Президиума РАН
«Историческая память и российская идентичность»,
проект «Элитарная культура Северной Руси IX–XI веков: столкновение традиций на пути к единству» (рук. Е. Н. Носов).

ISBN 978-5-903521-50-0

© Институт истории
материальной культуры РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Н. И. Платонова, предисловие, составление, 2017
© Издательский дом «Бранко», оформление, 2017

К вопросу об интерпретации «богатых погребений» на древнерусских могильниках 2-й половины XI — начала XII в.¹

(по материалам Удрайского археологического комплекса)

■ Н. И. Платонова (ИИМК РАН)

Резюме. Обряд ингумации (курганный и бескурганный) распространился на территории северо-западных и центральных районов Новгородской земли очень поздно, не ранее XII в. Лишь отдельные немногочисленные комплексы датируются второй половиной XI в. Эти ранние ингумации на древнерусских могильниках часто выделяются на фоне остальных относительным богатством, необычными деталями конструкций могилы и погребального убора. В настоящей статье анализируется богатое женское погребение посл. четв. XI в., раскопанное в «каменной насыпи» на могильнике Удрай-2 (Новгородская обл., Батецкий р-н). Его отличительными особенностями являются присутствие в костюме серебряных полых пуговиц с гроздевидным окончанием, византийских серебряных монет-подвесок, других изделий из серебра, в т. ч. с чернью, а также деревянной чаши с серебряными обоймицами и крестовидной накладкой. Анализ находок полых пуговиц с гроздевидным окончанием на Северо-Западе показывает, что все они датируются не позднее первых десятилетий XII в.

В целом данное погребение помогает составить представление о более раннем, чем начало XII в., этнографическом комплексе, сложившемся на позднем этапе эпохи викингов и недостаточно известном в силу долгого переживания обряда кремации в данном регионе. Для ингумаций этого периода на сельских могильниках характерно наличие престижных вещей, служивших, по-видимому, маркерами принадлежности к сообществу «знатных людей» (монеты-подвески, в т. ч. византийские; изящные изделия из серебра с чернью, зернью и сканью; стеклянные привозные сосуды; деревянные чашки, украшенные серебром; дорогое оружие; парадный женский костюм с серебряными пуговицами). В первые десятилетия XII в. данный комплекс стремительно вытеснялся из обихода. Причины наступивших перемен коренились в уменьшении проницаемости социальных перегородок в конце эпохи викингов, активизации процесса социального и имущественного расслоения и постепенного превращения жителей Новгородской земли из «мужей» в «смердов».

Summary. The rite of inhumation (in kurgans and flat graves) spread very late (not earlier than the 12th century) throughout the north-western and central regions of the Novgorod Land. Only few particular complexes are dated to the second half of the 11th century. These

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке ПФИ Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность», проект «Элитарная культура...» (рук. Е. Н. Носов) и ПФИ ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы», проект «Археологические культуры Евразии...» (рук. Н. И. Платонова).

early inhumations at Old-Russian cemeteries often are distinguishable from the rest through their relative richness, unusual details of the construction of the graves and funerary costumes. This paper analyses a rich female burial of the last quarter of the 11th century excavated in the 'stone mound' at the cemetery of Udray-2 (Novgorod Oblast, Batetsky District). A distinguishing feature of the grave is in a costume with silver hollow buttons with a grape-bunch terminal, Byzantine silver coin-pendants, other silver objects including those with niello, as well as a wooden bowl with silver ferrules and a cross-shaped mount. Examination of finds of hollow buttons with grape-bunch terminals from the North-West suggests that they all are dating from the period not later than the first decades of the 12th century.

In general, the burial under consideration helps to make us an idea about the ethnographic complexes arisen earlier than the beginning of the 12th century. It must have been formed at the later phase of the Viking Age. They are little known because of the protracted practice of the cremation rite in this region. Inhumations at rural cemeteries of that period are characterized by the presence of prestigious grave goods which evidently served as signs of the belonging to the community of 'noble people' (coin-pendants including the Byzantine ones; fine silver objects with niello, filigree and graining; imported glass vessels; wooden cups decorated with silver; expensive weapons; ceremonial female costume with silver buttons). In the first decades of the 12th century, this assemblage was swiftly ousted from the use. The coming changes were effected by the decrease of permeability of the social partitions in the late Viking Age, activation of the process of the social and ownership stratification and gradual transformation of the natives of the Novgorod Land from 'muzhi' (freemen) into 'smerdy' (serfs).

Ключевые слова: Новгородская земля, древнерусский могильник Удрай-2, каменная насыпь, XI в., богатые погребения, женский костюм с серебряными пуговицами.

Key-words: Novgorod Land, Old-Russian cemetery Udray-2, stone mound, 11th century, rich burials, female costume with silver buttons.

1. Вводные замечания

Уточнение хронологии древнерусских могильников по новгородской шкале древностей (Лесман, 1988; 1990; 1996а; 2011; Лесман, рукопись) привело к парадоксальному выводу: обряд трупоположения (курганный и бескурганный) распространился на территории северо-западных и центральных районов Новгородской земли очень поздно, не ранее XII в. Лишь отдельные немногочисленные комплексы датируются второй половиной XI в., но и они, как правило, тяготеют к его последней четверти². Учитывая, что к тому времени с момента крещения Руси прошло уже столетие, встает вопрос: какой же погребальный обряд практиковало здешнее население в эпоху Ярослава и Ярославичей?

² В данном случае мы оставляем в стороне элитарные камерные погребения IX–X вв., раскопанные в Ладоге и Пскове. Речь идет о начале массового распространения обряда ингумации на сельских могильниках, датированного не ранее второй половины XI в.

Раскопки немногочисленных грунтовых могильников с кремациями и еще более немногочисленных сопок с непотревоженными вершинами, проведенные на северо-западе Новгородской земли в 1980–1990-х гг., отчетливо показали: трупосожжение на стороне (в том числе — с последующим высыпанием сожженных остатков на вершину сопки) оставалось здесь актуальным, реально практикуемым в XI в. вариантом погребального обряда (*Кузьмин*, 1992; 2001; *Платонова*, 2002. С. 193–194). Из этого следует, в частности, неутешительный для археологов вывод: база археологических источников для реконструкции этнографического убора и костюма населения северо-запада Новгородской земли конца X — XI в. (т. е. времени сложения здесь собственно древнерусской культуры) крайне узка. Ранние древнерусские ингумации («псевдокамерные», грунтовые, жальничные, подкурганые) датируются последней четвертью XI — первой третью XII в. Погребальный обряд и конструкции могил сильно варьируют, что, по-видимому, отражает мозаику различных традиций и влияний, еще не успевших образовать новую устойчивую систему.

Захоронения указанного периода на сельских могильниках часто выделяются на фоне остальных своим относительным богатством и необычными деталями как конструкций могилы, так и погребального убора. В настоящей статье рассматривается одно из таких ранних древнерусских погребений, совершенное в «каменной насыпи» (далее — КН) — монументальном каменно-земляном сооружении, исследованном под руководством Н. И. Платоновой на курганно-жальничном могильнике Удрай-2 в верхнем Полужье (Новгородская обл., Батецкий р-н) в 1981 и 1983 гг.

Высота КН до раскопок составляла 1,8–2,2 м за счет естественного материкового ядра. При этом высота самой плоской насыпи, как выяснилось, лишь немногим превышала 1 м. Длина ее сторон составляла около 17×18 м. В насыпи было исследовано 4 мужских погребения по обряду ингумации в камерах (КН-2, КН-5) или ямах с деревянными конструкциями (КН-4, КН-6) (*Платонова*, 1997) и 2 женских трупоположения в грунтовых ямах (КН-1, КН-3) (рис. 1). В ходе раскопок 1981 г. выяснилось, что с северной и западной сторон к насыпи примыкал грунтовый могильник XII в. — ряды погребений в грунтовых ямах с каменными оградками, утопленными в землю и практически не читавшимися на поверхности (*Платонова*. Отчет... 1981). С юга и востока КН была плотно окружена древнерусскими курганами ХП–ХІІІ вв.

2. Погребение КН-1 на могильнике Удрай-2

Погребение КН-1 располагалось в яме, впущенной в насыпь, по-видимому, уже после ее сооружения, и заглубленной в материк на 30 см. Над материковым углублением зафиксированы остатки конструкции, напоминающей «каменный ящик» (деревенская имитация саркофага?). Длина сторон «ящика» составляла $2,3 \times 0,6$ –0,8 м. Высота конструкции над материком — около 0,6 м. В яме

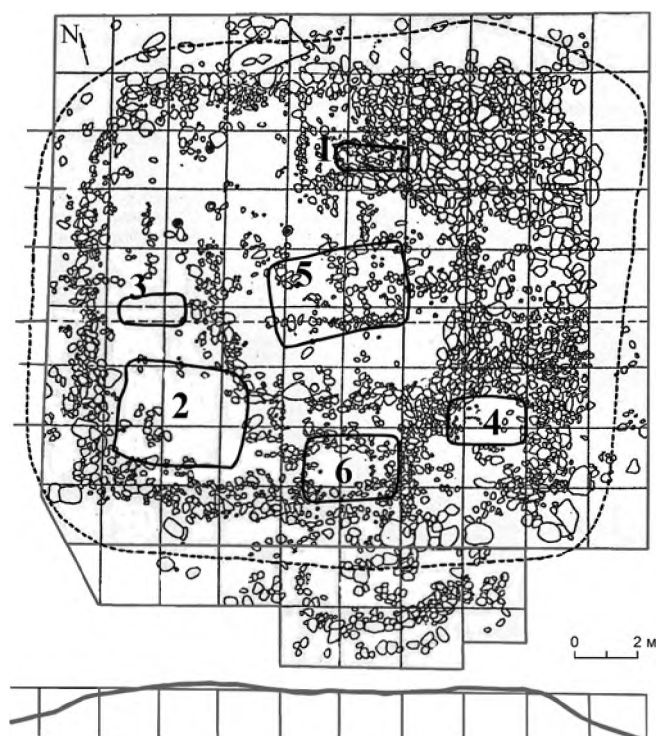

Рис. 1. План «каменной насыпи» на курганно-жалыничном могильнике Удрей-2:

1–6 — номера раскопанных погребений в камерах и больших ямах

Fig. 1. Plan of the 'stone mound' (KH) at the kurgan and zhalnik-grave cemetery of Udray-2: 1–6 — numbers of the excavated burials in chambers and large pits

находилось женское погребение по обряду трупоположения, ориентированное головой на запад, с небольшим отклонением к северу (точно по сторонам КН) (рис. 2).

«Ящик» перекрывали многочисленные большие и малые известняковые плиты, частью просевшие вниз. Плиты, поставленные на ребро, опирались на материковые края ямы, а частично сползли в нее. Среди них обнаружено 2 обломка жерновов (рис. 3). Возможно, в момент совершения погребения плиты были подогнаны друг к другу, но потом сильно «разъехались». В разных частях заполнения «ящика» найдено много черепков круговой керамики, склеенных впоследствии в один горшок с линейно-волнистым орнаментом (рис. 4). Судя по положению некоторых фрагментов в яме, горшок был помещен туда вверх дном уже в процессе ее перекрытия и засыпки. Он был раздавлен плитами, просевшими вниз.

Кости сохранились плохо, что затрудняет суждения о положении тела погребенной. Ноги ее вытянуты, однако легкое смещение вправо позволяет

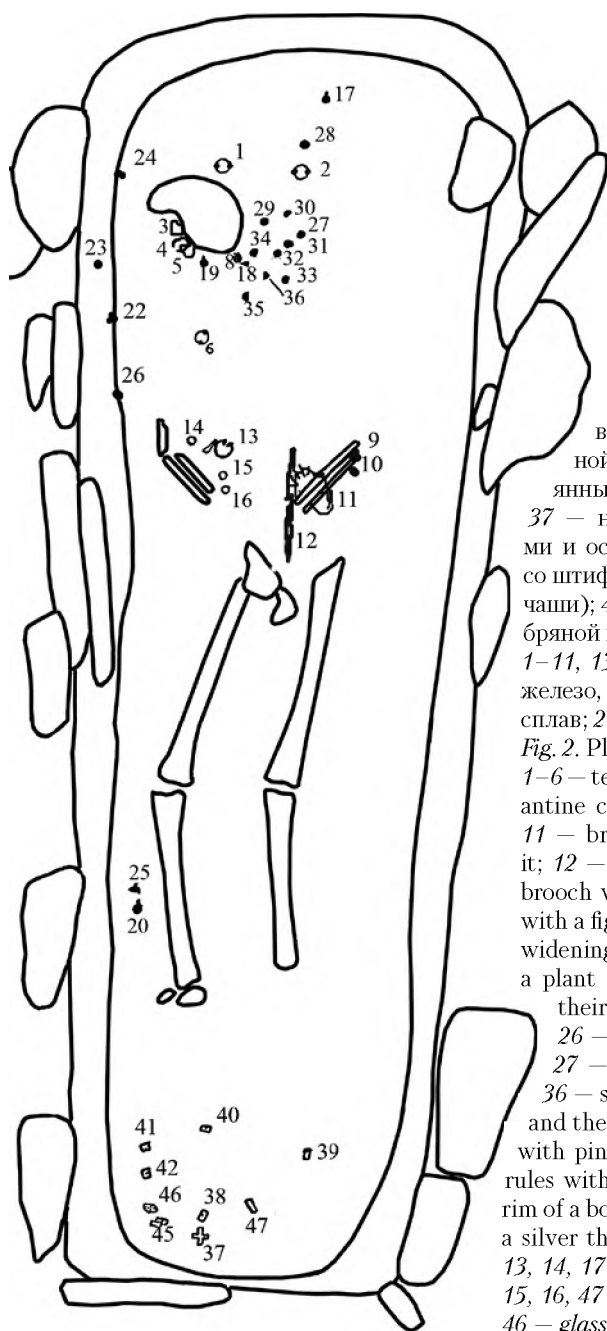

Рис. 2. План погребения КН-1:

яма в материке. 1–6 — височные кольца овальнощитковые; 7, 8 — византийские монеты-подвески; 9, 10 — арабские монеты; 11 — браслет с нанизанными колечками; 12 — нож с наборной рукоятью; 13 — фибула спиралекопечная; 14 — перстень с фигурным щитком и чернью; 15 — перстень широкосрединный; 16 — колечко с растительным орнаментом; 17–25 — полые пуговицы с гроздевидным завершением и их половинки; 26 — бусина боченковидная оранжевая (2 экз.); 27 — бусина полая с ложной зернью; 28–36 — бусы гладкие, спаянные из двух половинок, и их фрагменты;

37 — накладка в виде креста, со штифтами и остатками дерева; 38–45 — обоймицы со штифтами и остатками дерева (от венчика чаши); 46 — обломок дерева, прошитый серебряной нитью; 47 — крючок («блесна»).

1–11, 13, 14, 17–25, 27–36 — серебро; 12 — железо, серебро; 15, 16, 47 — серебро или сплав; 26 — стекло; 37–46 — серебро, дерево.

Fig. 2. Plan of burial KH-1: pit in the virgin soil.

1–6 — temple rings with oval plates; 7, 8 — Byzantine coin-pendants; 9, 10 — Arabian coins; 11 — bracelet with small rings strung onto it; 12 — knife with a composite handle; 13 — brooch with spiral terminals; 14 — finger-ring with a figured bezel and niello; 15 — finger-ring widening in the middle; 16 — a small ring with a plant design; 17–25 — hollow buttons and their halves with a grape-bunch terminal; 26 — orange barrel-shaped bead (2 pieces); 27 — hollow bead with a false niello; 28–36 — smooth beads soldered from two halves and their fragments; 37 — cross-shaped mount with pins and remains of wood; 38–45 — ferules with pins and remains of wood (from the rim of a bowl); 46 — wooden fragment sewn with a silver thread; 47 — hook ('spoon-bait'). 1–11, 13, 14, 17–25, 27–36 — silver; 12 — iron, silver; 15, 16, 47 — silver or some alloy; 26 — glass; 37–46 — glass, wood

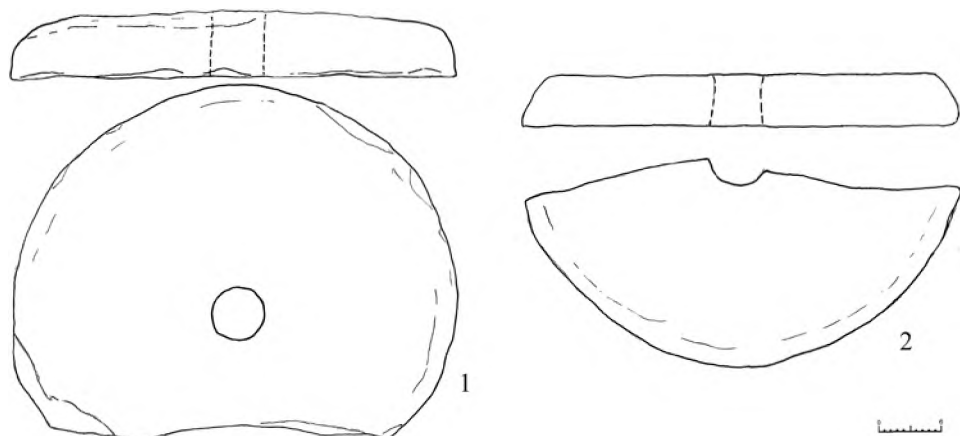

Рис. 3. Обломки жерновов из ограды погребения КН-1 («каменного ящика»)

Fig. 3. Fragments of mill-stones from the fence of burial КН-1 ('stone cist')

предположить, что вначале колени покойницы были слегка приподняты. Частично сохранились локтевые и лучевые кости, показывающие, что руки были сложены на лонном соединении. От черепа сохранилась только крышка: лицевые кости истлели. Череп смещен к ЮЗ углу ямы и повернут вбок (лежит на правом виске). Это позволяет предположить, что изначально верхняя часть тела покойной была приподнята. Возможно, она опиралась спиной на более или менее высокую подушку из органических материалов. Истление подушки привело к небольшому перемещению головы, шеи и артефактов, связанных с соответствующими частями костюма.

Украшения головного убора составляли 6 серебряных овальнощитковых колец ($D = 3.8\text{--}4.2$ см; на каждом кольце по 3 щитка, украшенных пунсонным орнаментом и четырьмя кружками) (рис. 5: 1). Три кольца были найдены вместе под черепом (видимо, изначально они находились на правом виске погребенной). Три других обнаружены в смещенном положении, с разных сторон черепа, в 3–15 см от него. Прямо на черепной крышке и рядом с ней найдены 2 серебряные монеты с напаянным ушком для подвешивания — византийские милиарисии (Василий II и Константин VIII, 977–1025 гг.)³. Здесь, же, в районе головы и плеч, достаточно бессистемно располагались следующие находки (см. рис. 2):

- серебряные полые пуговицы, эллипсоидные, с гроздевидным окончанием, спаянные из двух половинок (частично распались) (рис. 5: 2). Всего таких пуговиц в погребении насчитывается 7, из них 1 целый экз. и 1 половинка обнаружены в восточной части ямы, близ правой голени погребенной;

³ Определение И. Г. Добровольского.

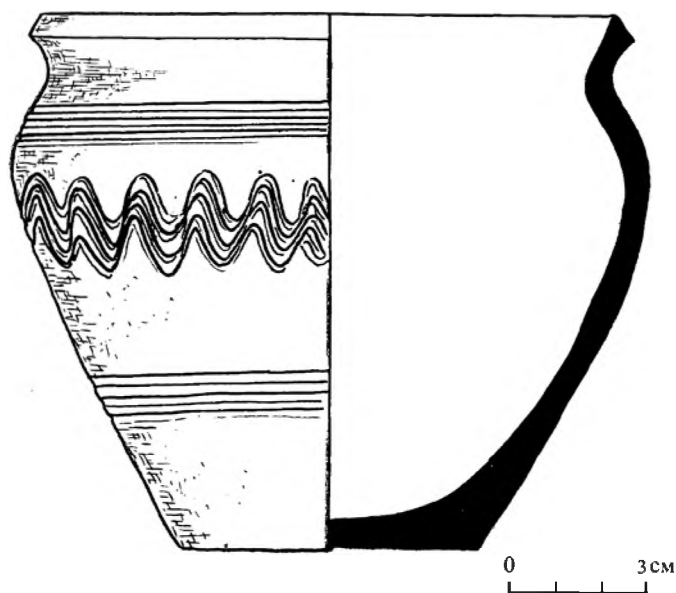

Рис. 4. Горшок с линейно-волнистым орнаментом из заполнения ямы погребения КН-1 (склеен из обломков)

Fig. 4. Ceramic pot with a linear and wavy decoration from the fill of the pit of burial КН-1 (glued together from fragments)

- 9 серебряных гладких полых бусин, также спаянных из двух половинок (рис. 5: 3);
- 1 серебряная полая бусина с орнаментом из треугольников, имитирующих зернь;
- 2 стеклянные боченковидные печеночные бусины оранжевого цвета.

На животе погребенной найдена серебряная подковообразная фибула со спирально закрученными концами, треугольного сечения, с широким пластинчатым основанием иглы ($D = 5,5$ см) (рис. 5: 4). Возможно, изначально она находилась на груди, но затем оказалась смещена вправо и вниз (если только справедливо наше предположение, что верхняя часть тела погребенной была приподнята).

На левую руку усопшей был надет серебряный браслет из тонкой проволоки подтреугольного сечения, с завязанными концами и пятью нанизанными серебряными колечками (рис. 5: 5). Кольца тонкие, гладкие, замкнутые, в диаметре 2 см. В районе кисти правой руки найдены широкосрединный серебряный перстень с завязанными концами и разомкнутое пластинчатое колечко с растительным орнаментом (рис. 5: 6–7). Ближе к правому локтю обнаружен еще один серебряный перстень с завязанными концами и пластинчатым фигурным щитком, украшенный рельефным орнаментом с чернью (рис. 5: 8: 7: 1).

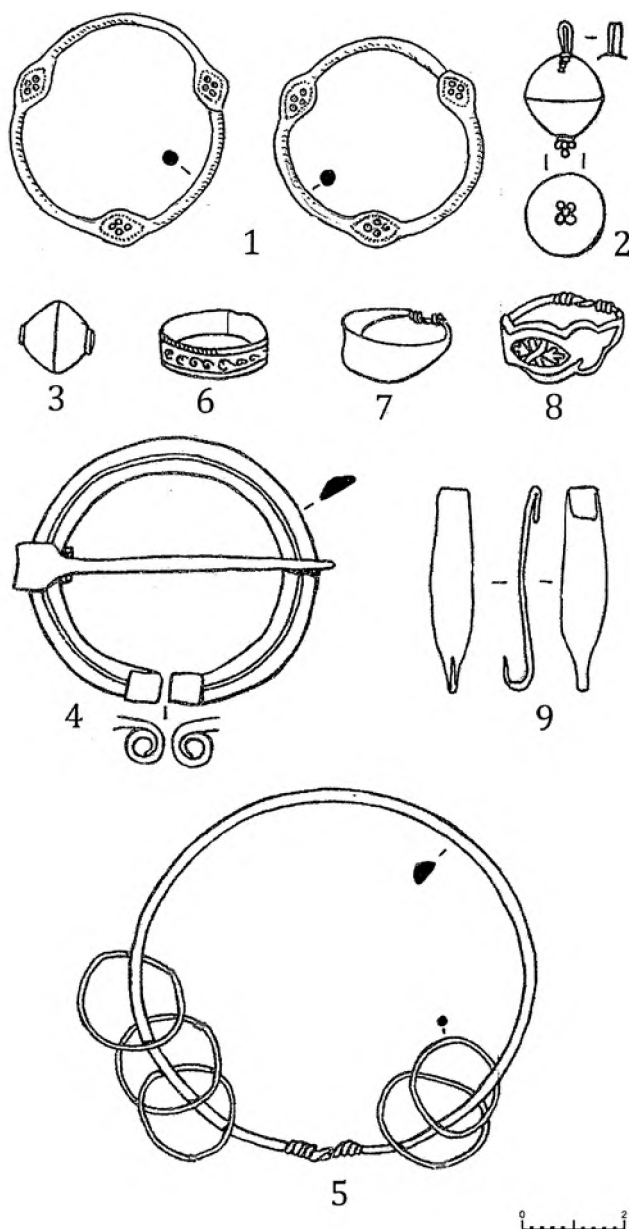

Рис. 5. Инвентарь погребения КН-1. 1 – височные кольца; 2 – пуговица с гроздевидным окончанием; 3 – полая бусина; 4 – фибула; 5 – браслет; 6 – колечко; 7, 8 – перстни; 9 – крючок-«блесна»

Fig. 5. Grave goods from burial KH-1. 1 – temple rings; 2 – button with a grape-bunch terminal; 3 – hollow bead; 4 – brooch; 5 – bracelet; 6 – small ring; 7, 8 – finger-rings; 9 – hook (“spoon-bait”)

Слева у пояса погребенной находился железный нож с длинной наборной рукоятью, украшенной четырьмя десятками тончайших серебряных колец ($D = 1,3$ см) (рис. 6). Лезвие, треугольное в сечении, отковано в технике трехслойного пакета; длина его 7 см. Длина рукояти, судя по длине черенка, составляла более 15 см. Здесь же, у левого локтя, найдены дирхем Мерванидов (Мумахид ад-даула Абу Мансур, 997–1011 гг.) и $1/4$ дирхема Саманидов (Исмаил ибн Ахмад, 894–902 гг.)⁴. Видимо, монеты находились в кошельке.

Рис. 6. Нож с остатками наборной рукояти из погребения КН-1
Fig. 6. Knife from burial КН-1 with remains of a composite handle

В ногах погребенной найдены остатки деревянной чаши с десятью серебряными обкладками по венчику (рис. 7: 1–10) и фрагмент деревянной стенки того же сосуда, прошитый серебряной нитью (рис. 7: 11). Следы каких-то металлических вставок в дерево (креплений декора?) видны также в нижнем сломе одного из фрагментов венчика (рис. 7: 10). Вместе с обоймицами обнаружена накладка в виде креста с расширяющимися концами, вырезанная из тонкого серебряного листа (рис. 7: 12). На оборотной стороне креста сохранились остатки дерева — того же, что и в обоймицах, но без изгиба, характерного для стенок чаши. По-видимому, крест украшал либо крышку, либо дно чаши изнутри. Здесь же, в ногах погребения, найден крючок в форме «блесны», из бронзы или низкопробного серебра (рис. 5: 9)⁵.

3. Хронология погребения КН-1 и его особенности

3.1. Датировка

Монетный комплекс погребения КН-1 дает нам очень раннюю дату, плохо согласующуюся с хронологией артефактов, — после 997 г. Небольшие кольца с овальными щитками, орнаментированными кружками, найденные в погребении КН-1, относятся к самому раннему варианту этого типа в Новгородской земле. Они также дают нижнюю дату — конец X в. и верхнюю — до первой трети XII в. включительно (Лесман, 2011. С. 189–190). Сузить датировку погребения

⁴ Определение И. Г. Добровольского.

⁵ В настоящее время вся коллекция из погребений КН (за исключением керамики и жерновов) хранится в фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

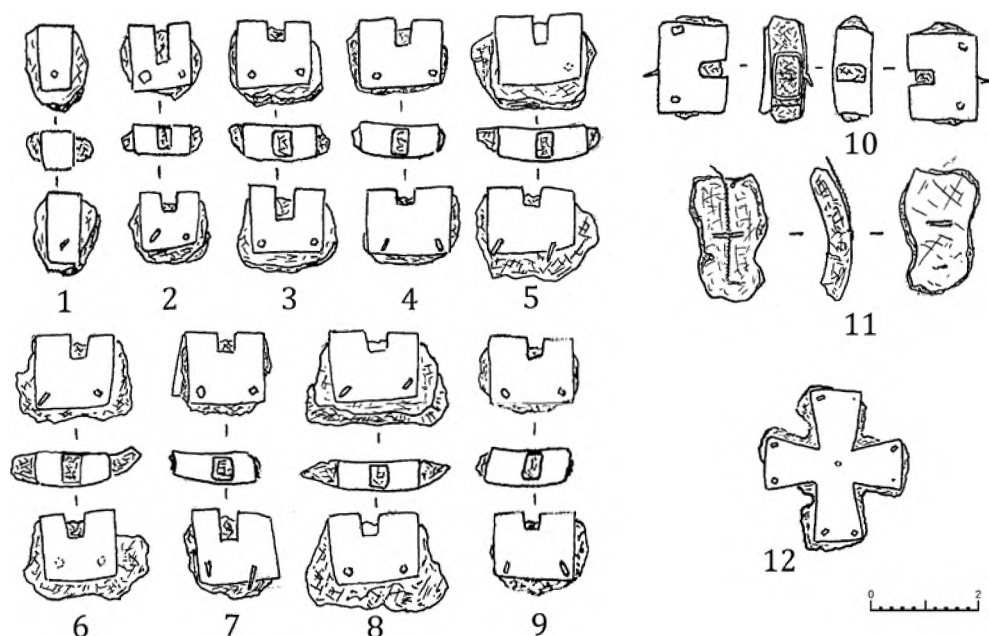

Рис. 7. Инвентарь погребения КН-1. 1–10 — обкладки венчика деревянной чаши; 11 — обломок дерева, прошитый серебряной нитью; 12 — накладка в виде креста
Fig. 7. Grave goods from burial KH-1. 1–10 — ferrules from the rim of a wooden bowl; 11 — fragment sewn with a silver thread; 12 — cross-shaped mount

КН-1 помогает находка серебряной подковообразной фибулы с широким пластинчатым основанием иглы. Она сразу устанавливает нижний хронологический предел комплекса не ранее 1076 г. (Лесман, рукопись⁶). Это позволяет, в свою очередь, уточнить датировку серебряного перстня с чернью, датируемого, по сочетанию формы и конструкции, не ранее 1055 г. С этим перстнем связан особый сюжет, детально изложенный ниже.

Деревянный сосуд, отделанный серебром, является достаточно известным атрибутом камерных могил X — начала XI в. в Северной и Восточной Европе. Фрагменты такой деревянной посуды обнаружены в 13 захоронениях могильника Бирка (Arbman, 1940. Taf. 214–216). На территории Древней Руси находки деревянных чаш с серебряными оковками известны в Киеве, в могильнике на Старокиевской горе (Кат. № К-10)⁷, в Гнёздове (погр. Оль-30 и Дн-13

⁶ Здесь и далее датировки даются на рукопись книги Ю. М. Лесмана «Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.)», отражающую самый последний вариант разработки им хронологии погребальных древностей Новгородской земли. В более ранних публикациях Ю. М. Лесмана датировки могут отличаться.

⁷ Ссылки даются на номера в Каталоге камерных погребений, составленном К. А. Михайловым (Михайлов, 2016. С. 203–249).

соответственно: Кат. № Г-11 и Г-22), в Псковском некрополе (погр. 3, 6 и 7 в южной части Окольного города, Кат. № П-6, П-9, П-10), а также в соседнем с КН-1 погребении КН-5 на могильнике Удрай-2 (Кат. № У-3). Пожалуй, следует отметить особую популярность этих предметов именно в Северной Руси эпохи викингов. Из 11 раскопанных камерных могил Псковского некрополя 3 содержали деревянные сосуды с серебряными обоймицами. Из шести погребений КН в Удрае остатки деревянных чашек, отделанных серебром, были встречены в двух.

Материалы погребения КН-1 неопровержимо свидетельствуют, что подобные чаши оставались в употреблении вплоть до последней четверти — конца XI в., после чего они, по-видимому, совершенно исчезли из обихода. Редкие находки деревянной посуды с металлическими деталями, встреченные в древнерусских курганных могильниках, демонстрируют уже иную традицию. К примеру, в Верхневолжье, где раскопано большое количество ранних древнерусских комплексов, подобные находки единичны. В обширном могильнике Избрижье остатки деревянных сосудов с обкладками найдены всего в двух погребениях, датируемых не позднее 1-й трети XII в. Однако в одном случае (кург. № 37) обкладка по венчику имеет характер сплошной пластины (*Жукова, Степанова, 2010. С. 120, 261. Рис. 40, 1–2*). В другом (кург. № 124, погр. 1) серебряные обоймицы покрыты орнаментом, не характерным для чаш эпохи викингов (зубчатый и накольчатый штамп) (*Там же. С. 120, 129–300. Рис. 80, 12*).

Особенностью чашки из погребения КН-1 является ее символическая (ритуальная?) нагрузка, о которой свидетельствует серебряная накладка в виде христианского креста. Вероятнее всего, она украшала дно чаши изнутри и была призвана «освящать» ее содержимое. Эту любопытную деталь стоит иметь в виду при характеристике самосознания новообращенных христиан Северной Руси XI в.

Если говорить о других характерных чертах комплекса КН-1, заметно отличающих его от общего массива древнерусских курганных погребений Новгородской земли XII в. (включая, по-видимому, и первую треть этого столетия), таковыми являются в первую очередь присутствие в погребении византийских серебряных монет и наличие в нем женского костюма с серебряными полыми пуговицами.

Византийские монеты представляют собой очень редкую находку на древнерусских памятниках, особенно когда речь идет о сельской округе. Современный анализ богатейших нумизматических материалов Гнёздовского археологического комплекса позволяет предположить, что они играли роль не денежных единиц, а скорее социальных маркеров, престижных вещей, владение которыми подчеркивало высокий статус их обладателя (*Шевцов, 2017*). В Гнёздове «треть общего количества медных [византийских] монет и все экземпляры из драгоценных металлов были переделаны в подвески» (*Пушкина и др., 2012. С. 263*). Крайняя редкость этих украшений в ранних древнерусских ингумациях Северо-Запада позволяет предположить, что в землю они выпали не позднее кон-

ца XI в. и, таким образом, маркировали собой наиболее раннюю группу трупоположений на древнерусских курганных могильниках.

Выше уже оговаривалось: монетный комплекс погребения КН-1 заметно «удревняет» его дату, которая определяется, по сочетанию типов инвентаря, в диапазоне не ранее последней четверти XI в. и не позднее первой трети XII в. Тем не менее важно отметить: в ходе исследований Удрайского археологического комплекса, включающего 4 древнерусских могильника, нами была раскопана целая серия курганов, сравнительно богатых, датируемых не позднее первой трети XII в. Но состав монетных находок из этих погребений (в основном денарии, чеканенные в разных городах Священной Римской империи) заметно отличался от серии, которую дают погребения КН. В этих последних представлены в основном арабские и византийские монеты. Из западноевропейских денариев доминируют английские. Отличие данной монетной серии от курганных находок первой трети XII в. в регионе, на наш взгляд, делает раннюю часть указанного выше хронологического диапазона погребения КН-1 (последняя четверть — конец XI в.) более предпочтительной.

Заметим также: использование в погребальном ритуале КН-1 *очень старых монет* (в данном случае показательное присутствие дирхема рубежа IX–X вв. и другого — рубежа X–XI вв.), возможно, свидетельствует о том, что члены сообщества, совершавшего обряд, знавали лучшие дни, но в тот момент встали перед необходимостью выгребать ценности из кубышки.

3.2. Серебряные пуговицы и проблема реконструкции женской одежды XI в.

Не менее интересной особенностью материальной культуры, специфичной, по-видимому, для XI в., являются гладкие полые серебряные пуговицы, спаянные из двух половинок, с гроздевидным окончанием. «Гроздевидные украшения» (серьги и височные кольца) из серебра и медных сплавов были широко распространены в последней четверти I тыс. н. э. в Подунавье (Рябцева, 2010. С. 273–285). Среди них присутствуют как изделия с зернью, так и литые ее имитации. Подобные украшения встречены также на памятниках роменско-боршевской культуры и Начальной Руси X в.⁸, так что распространение и развитие указанного декоративного элемента проследить нетрудно.

⁸ Традиция гроздевидных окончаний изделий в ювелирном искусстве Центральной и Восточной Европы восходит, безусловно, к византийским образцам — изящным украшениям из золота, датируемым в самой империи 3-й четвертью — концом I тыс. н. э. Примерами таких дорогих вещей могут служить золотые однобусинные серьги с окончаниями в виде пирамидок зерни из склепа второй пол. VI — VII в. раннехристианской базилики на о. Титани (Мани) (Византийский и Христианский музей, Афины. Инв. № ВХМ 195 /a-b/), а также золотые серьги 1-й пол. X в. с перегородчатой эмалью и гроздевидными выступами из треугольников зерни, хранящиеся в Национальном археологическом музее в Афинах (Инв. № ΣΓ 483/a-b/), и т. д. Мастера Подунавья развивали данную декоративную традицию на более дешевых материалах, предназначенных для варварской периферии.

В нашем случае речь идет не об одном элементе декора, а о характерных особенностях женского костюма. Присутствие в погребении КН-1 набора полых, хрупких пуговиц из серебра высокой пробы свидетельствует о наличии верхней (?) женской одежды с галунами, на которые пуговицы пришивались, и широкими петлями, на которые они застегивались. Впрочем, хрупкость изделий может указывать и на другое — на преимущественно *декоративную функцию* указанных вещей. Нельзя исключить, что они нашивались на одежду как украшение, имитируя тем самым детали престижного костюма более ранних времен (или более высокой социальной страты!), где такие пуговицы были функциональны. В погребении КН-1 бо́льшая часть находок этих пуговиц обнаружена в верхней части костяка — в районе черепа и груди. Однако отдельные экземпляры оказались заметно в стороне, у самого края ямы — две у правой голени, две — против правого плеча. Возникает вопрос: не были ли они принадлежностью какого-то одеяния или накидки, которой погребенная была покрыта сверху?

Обращение к материалам более раннего периода показывает, что верхняя одежда с пуговицами (кафтан) получила распространение на Руси начиная с середины X в. (Михайлов, 2016. С. 120). Она достаточно широко представлена в камерных могилах с ингумациями указанного периода (Там же. С. 116–120). Помимо погребений серебряные пуговицы присутствуют вкладах второй половины X в. Так пустотелые круглые пуговицы с петелькой, идентичной удрайской, спаянные из двух половинок, но без гроздевидного окончания, представлены в Гнёздовском кладе 2001 г. (Меч и златник... 2012. С. 93). Пуговицы эллипсоидной формы (очень напоминающей удрайскую), также спаянные из двух половинок, но с круглым выступом-«пуговкой» на конце, украшенные рельефным орнаментом и зернью, обнаружены в Гнёздовском кладе 1993 г. (фотографии см.: https://vk.com/photo-3981595_277079284). Наконец, интересный экземпляр серебряной пуговицы того же типа, орнаментированной напаянными колечками рубчатой проволоки, с одним шариком на конце, происходит из культурного слоя городища Любша в Нижнем Поволжье ([Рябинин], 2003. С. 205). В ходе раскопок эта последняя находка была предварительно датирована VIII — IX в., но в настоящее время хронология Любши пересматривается, и, скорее всего, дата будет несколько омоложена.

Все перечисленные изделия, в принципе, могли послужить прототипами серебряных пуговиц с гроздевидным окончанием, найденных в погребении КН-1. Но характерным отличием этих последних является хрупкость. Если описанные выше изделия X в. однозначно являлись *функциональными*, способными служить застежками плотных тканей верхней одежды, то применительно к находкам из погребения КН-1 в этом есть некоторые сомнения. В отчете Н. И. Платоновой о раскопках 1981 г. указанные находки еще именовались «подвесками». Но в ходе дальнейшей работы выяснилось: данная форма специфична именно для пуговиц и доживает она в России до XVI–XVIII вв., причем как атрибут *статусной одежды верхней страты общества*⁹.

⁹ Данный вопрос требует дальнейшей разработки. В настоящий момент мы можем сослаться на свои наблюдения, сделанные в 2015 г. в Русском музее при осмотре

Решение вопроса о преемственности женского костюма с полыми серебряными пуговицами, аналогичными найденным в КН-1, с соответствующими материалами Древней Руси второй половины X в. наталкивается на некоторую трудность: в указанный период такая одежда была специфична для *мужских* погребений. Практически все комплексы древнерусских камер с находками большого числа пуговиц являются захоронениями мужчин. Есть, правда, исключение — погребение № 12 могильника на Старокиевской горе, близ Михайловского собора (Кат. № К-13) (*Михайлов*, 2016. С. 209–210).

По сравнению с основным массивом камерных могил это захоронение является поздним и датируется концом X — началом XI в. Оно было совершено в гробовище, скрепленном гвоздями и поставленном в большую яму, по размерам сопоставимую с камерами. В гробу находилось погребение женщины, на груди у которой помимо бус — стеклянных, каменных и серебряных — оказалось 4 бронзовых литых пуговицы и одна пустотелая пуговица. По мнению К. А. Михайлова, «одежда усопшей отличается от женских рубаш, которые застегивались пуговицами или фибулами в районе шеи. Скорее распашная одежда напоминает древнерусские мужские кафтаны или халаты кочевников, которые имели дополнительную внутреннюю пуговицу... до сих пор набор таких пуговиц не находили в женских погребениях...» (*Там же*. С. 135).

Таким образом, поздняя группа камерных захоронений дает нам по меньшей мере один пример того, что на рубеже X–XI вв. древнерусская престижная мода все же включала женскую распашную одежду с пуговицами. При этом стоит обратить внимание: в мужских погребениях X в. обнаружены по большей части литые грибовидные пуговицы. Но мужскому ли костюму принадлежали изукрашенные пустотелые пуговицы эллипсоидной формы из Гнёздовского клада 1993 г. или из Любши — остается неясным. Их появление на Руси, скорее всего, было обусловлено модой, распространявшейся из Подунавья. Заметим в этой связи: изящные шаровидные пуговицы с петельками из Микутьчиц (Великая Моравия, IX–XI вв.), украшенные треугольниками зерни и/или рельефным орнаментом, явно служили атрибутом дамской одежды (*Жилина*, 1998. С. 108. Рис. 2, 2–3).

Рассмотрим теперь круг прямых аналогий серебряным пуговицам из погребения КН-1 на могильнике Удрай-2.

3.3. Аналогии серебряным эллипсоидным пуговицам с гроздевидным окончанием на Северо-Западе

Удрай-2, КН-3. Первой и практически полной аналогией можно считать соседнее погребение КН-3, где также было найдено 7 пуговиц указанного типа, в сопровождении византийской монеты-подвески (серебряный милиарисий Константина VII и Романа II, 945–959 гг.) и трех подвесок из денариев

выставок, посвященных русской культуре. К сожалению, бытовая культура России XV–XVIII вв. известна даже хуже, чем древнерусская; имеющиеся коллекции почти не опубликованы.

Этельрёда II (978–1016 гг.). Набор серебряных украшений, как и в случае КН-1, включал полые гладкие бусы, спаянные из двух половинок (4 экз.), а также 2 бусины с зернью и сканью. Погребение содержало богатый набор вещей, из которых следует особо отметить серию монет, в том числе *очень старых*. Помимо четырех уже упомянутых монет, превращенных в украшения, здесь находились: денарии (Оттон I, 936–973 гг., Кёльн; Оттон II или III, 973–1002 гг., Майнц; один неопределенный денарий); скандинавское подражание денарию Этельрёда II; брактеат — подражание дирхему X в.; галльское подражание римской монете II в. н. э.; монетовидный кружок. Отметим также находку весов в бронзовом футляре, набор из 12 железных гирек, обтянутых бронзой, ожерелье из бус, преимущественно ранних типов, тонкие серебряные гладкие кольца (наподобие нанизанных на браслет в погребении КН-1), 2 цепедержателя, поясные бляшки и т. д.

Датировка комплекса по младшей монете дала бы нам дату: *после 978 г.* Однако присутствие немногочисленного бусинного бисера поднимает датировку комплекса как минимум до 1096 г. Наличие боченковидной печеночно-красной бусины устанавливает ее верхний предел — 1116 г.

Хрепле, кург. 20, погр. 1. Третий известный нам комплекс с гладкими серебряными пуговицами с гроздевидным окончанием происходит из раскопок А. В. Арциховского 1929 г. на могильнике у дер. Хрепле (Новгородская обл., Новгородский р-н). Курган представлял собой самую большую и, возможно, самую раннюю насыпь в группе. Он содержал парное погребение; костяки лежали в отдельных ямах. Коллекция находится в фондах Новгородского гос. музея-заповедника (№ 69597, хр. В/6).

В захоронении женщины (№ 1) обнаружен набор из 12 (?) серебряных гладких пуговиц (в коллекции — 11 экз.). А. В. Арциховский называл их в публикации «эллипсоидными подвесками с гроздевидным окончанием» (*Арциховский*, 1930. С. 22). Как и в Удрае, они встречены в комплексе с находками височных колец, серебряных бус (гладких и с ложной зернью), монет — в данном случае арабских (Саманиды, Самарканд: Исмаил ибн Ахмад, 895 г.; Наср ибн Ахмад, 923 г.), а также многочисленных стеклянных бус и бисера. Несомненно, статусной вещью являлся стеклянный сосуд — по-видимому, кубок прозрачного зеленовато-голубого стекла (в обломках). Соседнее погребение мужчины помимо бытовых вещей содержало литую пуговку, секиру и 2 копья.

Овальнощитковое височное кольцо, найденное в Хрепле, относится к варианту несколько более позднему, чем кольца КН-1. Его можно датировать не ранее последней четверти или даже конца XI в. Наличие бусинного бисера точно определяет нижнюю дату погребения концом XI в. (после 1096 г.). На ту же нижнюю дату указывает находка специфической литой пуговки из погр. 2 (мужского). Верхняя дата — 1116 г. — устанавливается для женского погребения по наличию боченковидной печеночно-красной бусины, для мужского — по типу наконечника дротика (*Лесман*, рукопись).

Погост Белые Кресты, кург. 4 (Устюженский у. Новгородской губ.—совр. дер. Сазоново Чагодощенского р-на Вологодской обл.). Курган был раскопан Д. Европеусом в 1874 г. Коллекция находится в фондах Национального музея Финляндии (Хельсинки) (NM 1676: 9–16), опубликована в атласе И. Р. Аспелина (*Aspelin*, 1878. S. 201) Комплекс очень близок по составу КН-1 и КН-3. Включает 8 экз. серебряных пуговиц с гроздевидным окончанием и 8 гладких серебряных бус, спаянных из двух половинок; византийский милиарисий-подвеску (Константин VII и Роман II, 945–959 гг.); денарий-подвеску (Генрих II, Регенсбург, 984–985 гг.); такой же денарий без ушка; дирхем-подвеску (неопр.); фрагменты денария Оттона III (988–1002 гг.). Кроме того, присутствуют браслетообразные височные кольца с далеко заходящими концами; подковообразная фибула со спирально закрученными концами, с широким пластинчатым основанием иглы; серебряный перстень литой, сомкнутый, с продольным рифлением. Щиток перстня круглый, грибовидный в разрезе, сплошь покрыт имитацией зерни. Состав стеклянных бус в ожерелье очень близок КН-3, включает золото- и серебростеклянные бусы ранних типов, красную печеночную бусину, разноцветный бисер.

По типу иглы подковообразной фибулы данное погребение можно датировать не ранее 1076 г. Наличие печеночно-красной боченковидной бусины замыкает хронологический диапазон комплекса 1116 г.

Дрегли, кург. 18. (Новгородская обл., Любытинский р-н). Курган 18 был раскопан В. Я. Конечким в 1978 г. (Архив ИА РАН, Р-1, 7163). Курган расположен в центральной части могильника, по размерам он не отличался от соседних (высота 1,5 м, D — 12 м, насыпан на материковом ядре). Погребение женщины было совершено в большой яме (3 × 2,1 × 0,8 м), ориентировано на запад, с легким отклонением к югу. Содержит 4 гладкие пуговицы с гроздевидным окончанием вместе с набором изящных серебряных украшений. Последний включает круглую плоскую подвеску с зернью и сканью, бусы, украшенные зернью и сканью, бусы гладкие из двух половинок, серебряные височные кольца ранних типов (щитковые и трехбусинные). Вместе с ними найдены стеклянные бусы: мозаичные многогранные, синие двучастные лимоновидные, оранжевые глухого стекла с глазками, сердоликовая 14-гранная и др.

Щитковые височные кольца в Дреглях относятся к тому же наиболее раннему варианту, что и кольца в КН-1 и дают нижнюю дату — рубеж X–XI вв. По наличию синих лимоновидных и сердоликовой 14-гранной бусин достаточно надежно устанавливается верхняя дата — до 1096 г.

Усть-Кеза, кург. 2 (Тверская обл., Максатихинский р-н). Курган раскопан Ю. Н. Урбаном в 1974 г. Отчет отсутствует. Коллекция и описание находок хранятся в фондах Археологического музея. ТвГУ. Описание комплекса опубликовано (*Жукова, Степанова*, 2010. С. 193–195. Рис. 125).

Погребенная лежала головой на восток. При ней обнаружено 11 серебряных полых пуговиц с гроздевидным окончанием, с позолотой. Им сопутствовали гладкие полые бронзовые (?) бусы, спаянные из двух половинок (обломки).

Помимо того, найдено ожерелье из бус и рубленого бисера; браслетообразные височные кольца с заходящими концами; перстнеобразные колечки (в том числе с завитком на одном конце); гладкие трапециевидные подвески; ажурные треугольные подвески из свинцово-оловянистого сплава; железный замкнутый браслет из круглого в сечении дрота и фрагменты двух лепных сосудов.

Типы бус по описанию и рисунку нам не вполне ясны. По-видимому, точно присутствуют оранжевые боченовидные и желтые лимоновидные, датированные в Новгороде до 1167 г. Однако по наличию лепной керамики представляется возможным отнести комплекс к периоду не позднее XI в.

Этим списком исчерпываются на сегодняшний день все известные нам находки комплексов с гладкими полыми пуговицами с гроздевидным окончанием на Северо-Западе. Приведенные данные подтверждают принадлежность этих находок исключительно женскому костюму. Характерна повсеместная встречаемость данного типа пуговиц с серебряными полыми бусами, сделанными в той же технике. Не исключено, что бусы несли в костюме ту же функцию, что и пуговицы, — использовались как застежки или имитации застежек, нашитых на ткань. Стоит отметить и общее сходство всех этих комплексов (кроме, быть может, Усть-Кезы) по составу инвентаря, несмотря на значительный территориальный разброс. Для них характерно присутствие «статусных» вещей, каковыми являлись украшения с зернью и сканью, монеты, в том числе византийские, кубок тонкого стекла и т. д. Датировка всех шести погребений подтверждает их принадлежность очень узкому временному диапазону: последним десятилетиям XI — первым десятилетиям XII в.

4. Заключение

Материалы погребения КН-1 и синхронных ему по времени «богатых» комплексов на древнерусских курганных могильниках Северо-Запада отражают собой поворотный момент в становлении древнерусского общества и его культуры, который стал одновременно и завершением предшествующего периода, и «точкой невозврата» к прошлому.

Указанные памятники вполне можно рассматривать как источник для изучения и воссоздания более раннего этнографического комплекса Северной Руси XI в., недостаточно известного нам в силу долгого переживания обряда трупосожжения. Этот ранний комплекс, сложившийся на позднем этапе эпохи викингов, стремительно вытеснялся из обихода уже в первые десятилетия XII века. Причины наступавших перемен коренились, по-видимому, в быстром расслоении прежнего — эгалитарного по преимуществу — общества, уменьшении проницаемости социальных перегородок в конце эпохи викингов и превращении жителей сельской глубинки из «мужей» в зависимых «смердов».

Археологическим отражением данного процесса служит достаточно быстрое исчезновение из культуры сельского населения Новгородской земли XII в. тех

социальных маркеров, которые еще присутствуют на раннем этапе функционирования древнерусских могильников, на рубеже XI–XII вв. Таковыми служили византийские монеты-подвески; изящные изделия из серебра, украшенные чернью, зернью и сканью; стеклянные привозные сосуды; деревянные чашки, украшенные серебром; дорогое оружие и т. п. В том же ряду, на наш взгляд, можно рассматривать парадный женский костюм с серебряными пуговицами, реконструируемый на материалах погребения КН-1 и небольшой серии аналогий ему в Новгородской земле. Наличие такой одежды, вероятно, также являлось одним из маркеров принадлежности к сообществу зажиточных, уважаемых людей, претендующих считаться «знатными».

Приложение

К. В. Горлов, Н. В. Григорьева

Серебряные перстни с чернью из могильника Удрай-2 (погребение КН-1) и Старой Ладogi

Отдельный интересный сюжет исследования представляет собой серебряный перстень с пластинчатым фигурным щитком из погребения КН-1, который следует отнести к классу усложненнопластинчатых широкосрединных (рис. 8: 7). Центральная часть его щитка занята узором в виде выющейся лозы восьмеркообразной формы, подчеркнутой чернью, с двух сторон от которой располагаются малые рельефные трехлепестковые крины. Центральная композиция окаймлена двумя бордюрами, выполненными чернью, которые, в свою очередь, отделены от края щитка углубленными канавками. Смыкаясь у краев щитка, черневые линии образуют основу крупных боковых кринов, также отделенных от края изделия углубленными канавками. Проволочные концы изделия были завязаны двойным «скандинавским» узлом. Перстень отлит по оттиску в глиняной форме, с последующей механической обработкой¹⁰, пластинчатые концы отливки раскованы в проволоки.

Перстень можно отнести к классу усложненнопластинчатых широкосрединных перстней, его щиток несет богатую декоративную нагрузку. Центральная часть занята рельефным узором в виде выющейся лозы восьмеркообразной формы, подчеркнутой чернью, с двух сторон от которой располагаются малые рельефные трехлепестковые крины. Смыкаясь у краев щитка, черневые линии образуют основу крупных боковых кринов.

На боковой стороне одного из краевых кринов ладожского перстня выявлен след брака матрицы, причем образовавшаяся вследствие этого каверна была заделана мастером при помощи черни. Небольшое отверстие на щитке около одного из малых кринов, видимо, следует связывать с недоливом металла при изготовлении отливки.

¹⁰ Авторы выражают благодарность Р. С. Минасяну (Государственный Эрмитаж) за предоставленную консультацию по вопросам техники изготовления перстня.

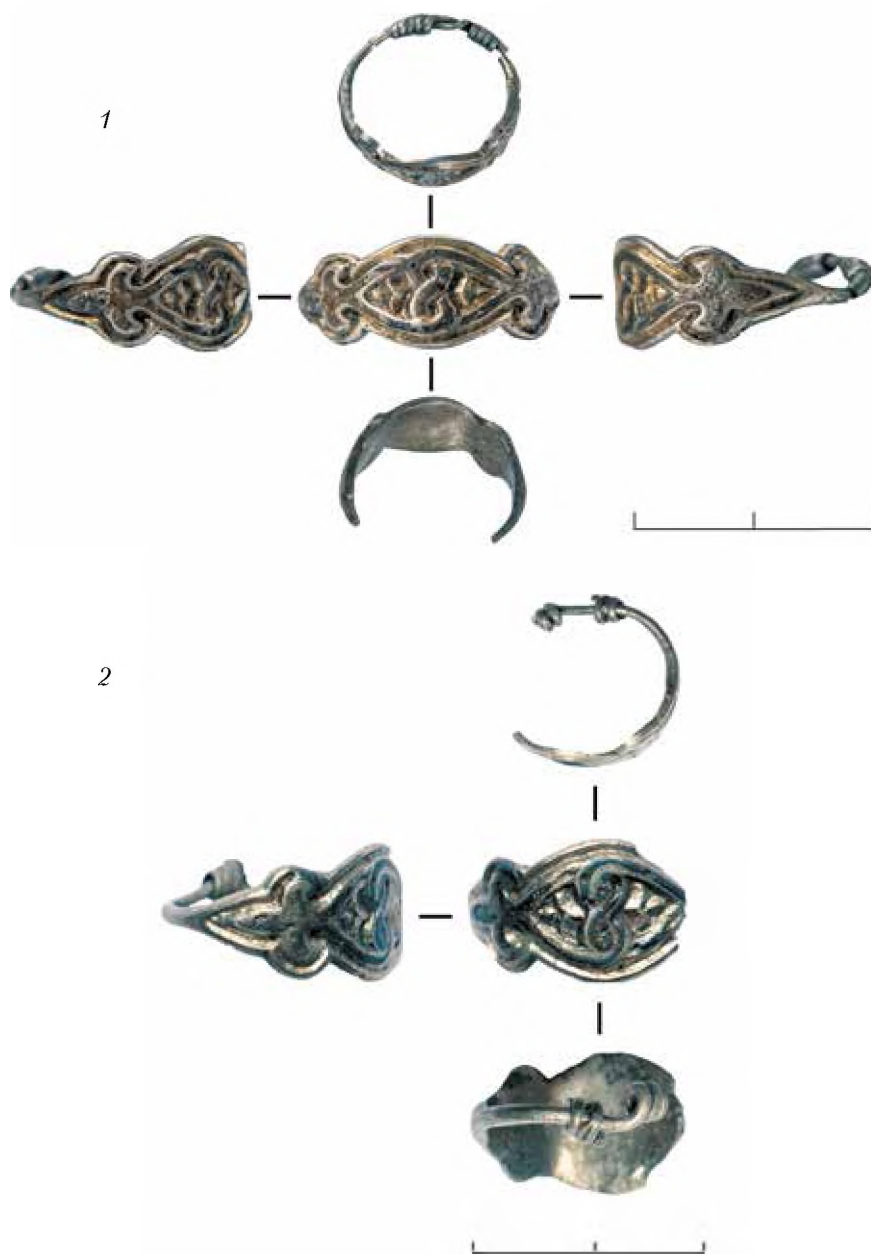

Рис. 8. Литые перстни с завязанными концами и фигурным щитком, украшенные чернью. 1 — перстень из погребения КН-1; 2 — перстень из культурного слоя Ладожской каменной крепости

Fig. 8. The cast finger-rings with tied ends and figured signet, decorated by niello.
1 — from the burial КН-1; 2 — from the cultural layer of Ladoga stone fortress

Тщательный осмотр обоих перстней — ладожского и удрайского, находящегося в фондах НГОМЗ (инв. № НГМ КП 34112/113 А-101/113 СБ-859), позволил заключить, что оба украшения изготовлены по оттиску одной модели, вероятно, рукой одного мастера. Об этом свидетельствуют совпадение метрических параметров элементов изображения и наличие брака на одном из краев крупных кринов, на экземпляре из погребения КН-1, исправленного пайкой металлом (серебром?). Перстень из Удрая-2 имеет следы значительной механической обработки, что объясняет некоторые различия контуров центрального узора.

Ладожский перстень происходит с небольшого участка не перемещенного слоя черного гумуса, связанного с металлообрабатывающим комплексом, располагавшимся на территории крепостного двора. Период функционирования мастерской следует ограничить временем строительства в крепости церкви Святого Георгия во второй половине XII в. (*Сарабьянов*, 2002. С. 9; *Лалазаров*, 2002. С. 85, 114). При этом в одном слое с перстнем найдены две монеты: 1/4 дирхема конца X — начала XI в.¹¹ и пфенниг герцога Ордульфа или графа Германа второй половины XI в.¹²

Таким образом, из Нижнего Поволжья и Верхнего Полудья происходят два перстня с оригинальным сочетанием технико-декоративных элементов, изготовленные в одной мастерской и соответственно одновременно бытовавшие в культуре. При этом удрайский перстень «выпал в землю», скорее всего, в конце XI в. Ладожский экземпляр оказался потерянным владельцем (или сломан и взят в переплавку) в первой половине XII в.

Техника изготовления, орнаментация и хронология рассматриваемых украшений позволяют связывать их с древнерусскими и болгарскими черненными перстнями (*Макарова*, 1976; *Руденко*, 2007, 2010; *Адамов*, 2010). По классификации Т. И. Макаровой¹³, они относятся к немногочисленному типу I — с круглым или овальным щитком. На Руси они изготавливались методом литья или ковкой (*Макарова*, 1986. С. 39).

Декоративные элементы в виде кринов, вьющейся лозы и черненых бордюров широко представлены на древнерусских и болгарских изделиях (*Там же*. Рис. 15: 47, 48, 52, 53; *Руденко*, 2010. Рис. 1: 6–10, 27), однако то сочетание, в котором они представлены на перстнях из Удрая-2 и Ладоги, является очень оригинальным.

Вьющаяся лоза — довольно востребованный мотив — обычно занимает центральную часть композиции щитков. Орнамент в виде кринов также популярен, но в подавляющем большинстве случаев он также является центральным элементом композиции с различной вариацией окантовок (*Макарова*, 1986. С. 39, 47; *Руденко*, 2010. С. 21). При этом трилистник, располагающийся на боковых гранях, при переходе от щитка к обручу, как некрупный дополнительный декоративный элемент известен лишь в единичных случаях (*Адамов*, 2014).

¹¹ Определение В. С. Кулешова.

¹² Определение В. Н. Седых.

¹³ Типология на основании формы щитка была принята и К. А. Руденко для перстней болгарского типа (*Руденко*, 2007; 2010).

С. 46). В нашем случае два небольших крина окаймляют завиток лозы в центре; еще два боковых крупных крина наравне участвуют в диалоге с центральной композицией. Среди опубликованных материалов аналогий подобному сочетанию деталей нами не встречено.

Где могли быть изготовлены такие перстни? К импортным изделиям, например болгарского происхождения, их не позволяет отнести техника литья. Все болгарские украшения изготавливались методомковки (*Руденко*, 2010. С. 10). Кроме того, *двойной* скандинавский узел как способ соединения концов обруча не типичен ни для болгарского, ни для византийского ювелирного искусства. Этот двойной узел, получивший широкое распространение на Руси, имеет североевропейские истоки (*Лесман*, 1996. С. 36). Не исключено, что мастер, отливавший перстни, имел в качестве образца изделие предположительно болгарского происхождения, но в значительной степени переработал его. В этой связи отметим: в комплексе погребения КН-1 присутствует целая серия вещей, концы которых завязаны именно двойным узлом.

На Руси XI в. широкосрединные перстни с завязанными концами имели большую популярность. Мастер-ювелир, занимавшийся их изготовлением, явно осуществил завершение концов изделия в привычной для себя манере. Однако на известных нам *литых* древнерусских перстнях, как элитных, так и рядовых, подобное соединение концов не встречается (*Сарычева*, 1994; *Сулмина*, 1999. С. 167–189; *Зайцева*, 2008. С. 278–282 и др.). Материалы Новгорода свидетельствуют, что наиболее ранние литые древнерусские перстни появляются не ранее середины XI в. и изначально имеют сомкнутые концы (*Рындина*, 1963. С. 236; *Седова*, 1981. 129–132; *Лесман*, рукопись).

Находки из Старой Ладogi и Удрая-2 показывают, что по крайней мере небольшая серия литых перстней с завязанными концами существовала в Северной Руси наряду с сомкнутыми. В этих изделиях нашли воплощение различные орнаментальные и ювелирные традиции — и византийский крин, и североевропейский двойной узел, и восточная (болгарская) черневая техника. На сочетании и взаимодействии этих традиций — северной, южной и восточной — строилась древнерусская культура. Возможно, данный вариант перстней также появился в середине XI в., заняв переходное положение между привычными в производстве коваными и выполненными в новой технике литыми перстнями. Если это так, то находки из Старой Ладogi и Удрая-2 можно рассматривать как одну из наиболее ранних форм черненных древнерусских перстней, исходя из географии находок, скорее всего, были изготовлены в мастерской Северо-Западного региона.

Литература

Адамов А. А. Серебряные перстни с чернением болгарского типа из Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 9. Пермь, 2014. С. 44–49.

Арциховский А. В. Раскопки 1929 года в Новгородском округе // Материалы и исследования Новгородского музея. Новгород, 1930. С. 20–30.

Григорьева Н. В. Свидетельства медноламельного и бронзолитейного производства в Ладоге в XI в. (по материалам раскопок в Ладожской крепости) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб., 2015. Вып. 5. С. 39–47.

Жилина Н. В. Об эволюции металлических бус славянских типов // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.: Памятники исторической мысли, 1988. С. 106–113.

Жукова Е. Н., Степанова Ю. В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь: Научная книга, 2010. 351 с.

Зайцева И. Е. Металлические украшения рук Мининского археологического комплекса // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.: Наука, 2008. С. 275–287.

Кузьмин С. Л. Оредежские сопки // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992. С. 16–26.

Кузьмин С. Л. Комплекс памятников в ур. Миложь у д. Сквородка в контексте древностей Верхнего Поплюсья рубежа I и II тыс. н. э. // Вестник молодых ученых. Сер. Исторические науки. 2001. № 1. С. 56–62.

Лалазаров С. В. Архитектура церкви св. Георгия // Церковь святого Георгия в Старой Ладоге. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 69–124.

Лесман Ю. М. Погребальные памятники Северо-Запада Новгородской земли и Новгород XI–XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1988. 26 с.

Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990. С. 29–98.

Лесман Ю. М. Двойной узел в средневековых ювелирных изделиях Восточной Европы // Ювелирное искусство и материальная культура: ТД 2-го colloquium. СПб., 1996. С. 35–37.

Лесман Ю. М. Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки // Archeologia Petropolitana. Вып. 1. СПб., 1996. С. 52–65.

Лесман Ю. М. Сериационная хронология: иллюзии и реальность // ЗИИМК. 6. СПб., 2011. С. 186–198.

Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.). (Рукопись)

Макарова Т. И. Черное дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.

Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Выставка в Государственном Историческом музее. М., 2012.

Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси. Камерные погребения IX — начала XI века в контексте североευропейских аналогий. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2016. 272 с.

Платонова Н. И. Отчет об археологических раскопках Лужского отряда Ильменской экспедиции ИА АН СССР в 1981 г. Рукопись. Архив ИА РАН. Р-1, 8740.

Платонова Н. И. Камерные погребения XI — начала XII вв. в Новгородской земле (анализ погребального обряда) // Общество, экономика, культура и искусство славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Новгород, 26–31 авг. 1996 г. М.: Изд-во РАН, 1997. Т. 4. С. 372–380.

Платонова Н. И. О погребальном обряде верхнелужских сопок (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Под ред. А. Н. Кирпичникова. СПб., 2002. С. 181–195.

Пушкина Т. А., Мурашёва В. В., Енисова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Под ред. Н. А. Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 242–273.

Руденко К. А. Перстни с чернью из Волжской Булгарии // РА. 2007. № 2. С. 130–140.

Руденко К. А. Булгарское черноевое искусство: перстни: Методическое пособие. Казань: МОиНРТ, 2010.

Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. № 117. Новые методы в археологии. М., 1963. С. 200–268.

Рябикин Е. А. У истоков Северной Руси: новые открытия / Отв. ред. Н. И. Милотенко. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2003. 224 с.

Рябцева С. С. О «гроздевидных» украшениях // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы МНК, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 273–285.

Сарабьянов В. Д. История церкви св. Георгия, ее изучение и реставрация // Церковь Святого Георгия в Старой Ладогге. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 9–66.

Сарачева Т. Г. Металлические перстни Днепровского левобережья (конец IX — первая половина XIII в.) // История и эволюция древних вещей. М., 1994. С. 69–124.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

Сумина И. А. Металлические перстни средневекового Белозерья // Археологический сборник. Памяти М. В. Фехнер. Труды ГИМ. Вып. 111. М., 1999. С. 167–189.

Шевцов А. О. Сравнительная характеристика нумизматических материалов Гнёздовского археологического комплекса // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29998912>

Arbman H. Birka I: Die Gräber. 1–2 Bd: Text. Tafeln. Stockholm, 1940–1943.

Aspelin J. R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1878.

Список сокращений

- АиИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академika В. В. Седова, М., Псков, СПб.
- Алт. ун-т — Алтайский государственный университет, Барнаул
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Л., СПб.
- А-С хроника — Англосаксонская хроника
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины, Л./СПб.
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры, Л.
- ГИМ — Государственный исторический музей, М.
- ГЭ — Государственный Эрмитаж, СПб.
- ЗИИМК — Записки ИИМК РАН, СПб.
- ИАК — Императорская Археологическая комиссия, СПб.
- ИА РАН — Институт археологии РАН, М.
- ИАЭт СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск
- ИВИ РАН — Институт всеобщей истории РАН, М.
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН, СПб.
- КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР, М.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, Л., М.
- Л. — Ленинград.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет, Л.
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР, Л.
- М. — Москва
- МАР — Материалы по археологии России, СПб.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР, М.
- МНК — Международная научная конференция
- НГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Новгород Великий
- НИС — Новгородский исторический сборник, Л./СПб.
- ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология, Новгород Великий
- ОИФН — Отделение историко-филологических наук РАН, М.
- ПВЛ — Повесть временных лет
- ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ, Л.
- ПФИ — Программа фундаментальных исследований
- РА — Российская археология, М.
- РАЕ — Российский археологический ежегодник, СПб.
- РАЕН — Российская Академия естественных наук, М.
- РАН — Российская академия наук
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, М.
- РИКО — Рязанское историко-культурное общество, Рязань
- СА — Советская археология, Л., М.
- САИ — Свод археологических источников, М.
- СПб. — Санкт-Петербург
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет, СПб.
- ТД — тезисы докладов
- ШРКМ — Шировский районный краеведческий музей, Широво Рязанской обл.
- KU — Klaipėdos universitetas,
- LII — Lietuvos istorijos institutas
- LIIR — Lietuvos istorijos instituto rankraštynas
- LNM — Lietuvos nacionalinis muziejus
- RGA — Reallexikon der Germanische Altertumskunde
- SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja
- VU — Vilniaus universitetas

Содержание

От редактора (Н. И. Платонова)	5
--------------------------------------	---

I. Культурные трансформации и археология элиты: общие вопросы и историография

<i>Платонова Н. И.</i> Древнерусская культура и древнерусская элита: проблемы и перспективы исследований	9
<i>Platonova N. I.</i> Old Rus' culture and the elite of Old Rus': to the definition of concepts	
<i>Григорьева О. В.</i> Проблемы изучения элитарной культуры в древнерусской археологии	30
<i>Grigoryeva O. V.</i> Problems of Elite Culture studies in Old Rus' archaeology	
<i>Шнеевайс Й.</i> К вопросу о влиянии исторических дат на археологическое исследование (три ключевые даты эпохи викингов: 793, 862 и 929 гг.)	40
<i>Schneeweiß J.</i> How historical dates can affect archaeological research (three Viking Age examples: 793 A.D., 862 A.D. and 929 A.D.)	

II. Погребальные памятники и проблема выделения социальных маркеров

<i>Ахмедов И. Р., Гаврилов А. П.</i> «Славянские» фибулы в древностях рязанских финнов: старые и новые находки	71
<i>Akhmedov I. R., Gavrilov A. P.</i> "Slavic" fibulae in the Ryazan Finns' antiquities: old and new finds	
<i>Бельский С. В.</i> Раннесредневековые погребальные памятники на Карельском перешейке: некоторые результаты текущих исследований	90
<i>Bel'skiy S. V.</i> Early medieval burial sites on the Karelian isthmus: some results of current research	
<i>Стасюк И. В.</i> К проблеме изучения раннего древнерусского общества на северо-западной границе Новгородской земли (по материалам погребальных памятников)	116
<i>Stasyuk I. V.</i> The problem of early Old Rus' society on the north-west border of Novgorod land (on the data of Early Medieval cemeteries)	
<i>Платонова Н. И.</i> К вопросу об интерпретации «богатых погребений» на древнерусских могильниках второй половины XI — начала XII в. (по материалам Удрайского археологического комплекса)	124
<i>Platonova N. I.</i> The problem of interpretation of 'rich burials' at Old-Rus' cemeteries of the 1050–1130 A.D. (on the data of Udray archaeological complex)	
Приложение: <i>Горлов К. В., Григорьева Н. В.</i> Серебряные перстни с чернью из могильника Удрай-2 (погребение КН-1) и Старой Ладogi	141
Attachment: <i>Gorlov K. V., Grigoryeva N. V.</i> Silver rings with niello from the Udray-2 cemetery (burial KN-1) and Old Ladoga	

<i>Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю.</i> Элитарные комплексы древнерусского времени: стереотипы выделения (на примере Которского погоста)	147
<i>Mikhaylova E. R., Sobolev V. Yu.</i> Elite complexes of Old-Rusian time: stereotypical types of selection (on the example of Kotorsky Pogost)	
<i>Чуракова А. Ю.</i> Подвески-кресты «скандинавского типа» в контексте погребальной культуры Древней Руси в XI–XII вв.	158
<i>Churakova A. Yu.</i> Pendants — crosses of the «Scandinavian type» in the context of the funerary culture of Old Rus' in the 1000–1200 A.D.	

III. Археология городов и поселений:

проблема социальных структур раннего Средневековья

<i>Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.</i> Атрибуция жилых построек древнерусского времени в центральной части Рюрикова городища (к обсуждению вопроса о выделении элитарных жилых комплексов)	179
<i>Nosov E. N., Khvoschinskaya N. V.</i> Attribution of large buildings of the Old Rus' period in the central part of Rurik Gorodishche (to the discussion of elite residential complexes)	
<i>Шнеевайс Й.</i> Раннесредневековые городища Северной Германии	198
<i>Schneeweiß J.</i> Early medieval strongholds in Northern Germany	
<i>Миляев П. А.</i> Изделия североευропейского облика в материальной культуре городища Любша IX — начала X в. (предварительное сообщение)	225
<i>Milyayev P. A.</i> The artifacts of Northern European origin on Lyubsha hillfort (advance publication)	
<i>Сениченкова Т. Б., Урюпов С. О.</i> Горшок знахаря из «большой постройки» Старой Ладogi (раскоп 1973 г. на Варяжской улице)	245
<i>Senichenkova T. B., Uryupov S. O.</i> Folk healer's pot from the "large building" in Staraya Ladoga (excavations at Varyazhskaya street, 1973)	
<i>Михайлова Е. Р.</i> Городище на Втырке	261
<i>E. R. Mikhaylova</i> The hillfort of Vtyrka	
<i>Йонайтис Р., Каплинайте И.</i> Многокультурный Вильнюс: сосуществование двух христианских конфессий на раннем этапе развития города	283
<i>Jonaitis R., Kaplinaitė I.</i> Multicultural Vilnius. The coexistence of two Christian religions at the early stage of city development	
Список сокращений	305
Список авторов	306